

Отзыв

на выпускную квалификационную работу Исакова Дмитрия Валерьевича «Между конфессией и локальным патриотизмом: Тридцатилетняя война в дневниках немецкого духовенства».

Сегодня разговор об обществе раннего нового времени все больше тяготеет к пересмотру, казалось бы, устоявшихся воззрений, концептов и терминов. Проблематика так называемой «национальной идентичности», факторы генезиса мифов всевозможных сообществ оказываются в центре внимания, в том числе, и немецких коллег. Особенно интенсивно подобного рода подходы дискутируются в отношении крупных социальных конфликтов, среди которых не последнее место занимает Тридцатилетняя война. Самый опустошительный кризис в истории Германии начал нового времени все больше становится своеобразным «полигоном» различных исследовательских экспериментов. Взгляд на умонастроения представителей различных фракций сословного общества, поставленных под удар многолетнего противостояния, анализируется преимущественно на основе авторских источников, дневников, писем, мемуаров. Здесь можно выделить новаторские работы Х.Медика, Б. Крузенштирны и многих других.

Работа Д.В. Исакова выглядит вполне актуальной с точки зрения поставленной темы. Если почти два века Реформацию и Тридцатилетнюю войну принято было считать «с высоты птичьего полета» масштабных национал-государственных концепций первой попыткой национальной консолидации и временем пробуждения немецкого патриотизма, то что могут сказать по этому поводу авторские тексты, вышедшие из под пера людей, принадлежавших разным воюющим партиям и разным конфессиональным лагерям?

Для анализа Д.В. Исаков выбрал три документа, уже опубликованных в минувшем веке, но никогда не изучавшихся в призме идей локального и имперского патриотизма. Более того дневник Мауруса Фризенэггера вообще еще ни разу не удостоился сугубо научных комментариев, и ему была посвящена лишь одна статья, хотя сам памятник был известен немецкой ученой публике уже в первой половине XIX в. Подобная селекция с одной стороны позволяет выйти из под давления устоявшейся традиции, если речь идет о хорошо известных документах, с другой — апробировать новые гипотезы на, казалось бы, не первых по значимости текстах.

Историографический раздел несомненно ставит сложные задачи: поместить исследуемый материал в перекрестие различных гипотез и концептов. Автор

справедливо связал воедино три проблемных пласта: феномен «войны», «человека на войне» и проблем идентичностей, «большой» и «малой» Родины, что давно уже является предметом изысканий немецких историков. Столь широкий анализ требовал надлежащего знакомства с историографией и прежде всего с новейшими трудами. В целом обзор удался, хотя можно было бы добавить и еще несколько работ, главным образом Г. Медика, который сегодня возглавляет большую исследовательскую группу по изучению «эго-документов».

Весьма обстоятельно Д.В. Исаков подошел к анализу самих текстов. Всех их роднит хронологическая кульминация - больше всего мест даруется началу 30-ых гг., близкий контакт с «врагом» (ситуация осады у Бильфингера, оккупации у Фризенэггера и осады и капитуляции у пастора Майера), непосредственное участие в событиях, личное знакомство с «актерами» враждебных сторон. Автору удалось ознакомиться с внушительным блоком биографических исследований, справедливо отмечая невнимание предшествующей традиции к изучению избранных источников с точки зрения поставленных задач. Используемый метод -структурирование текста по сюжетным линиям с последующим обзором отдельных сегментов - видится выигрышным, он позволяет не только систематизировать материал, но и выделить доминирующие дискурсы. Представляется верным здесь и отказ от синхронного среза: он бы явно утяжелил восприятие у читателя, коль скоро необходимо разбираться с огромным пластом фактических данных. Между тем как последовательный разбор сюжетных линий с последующими сравнительными выводами позволяет обобщить картину на примере каждого документа.

Хотелось бы отметить и явное желание Д.В. Исакова насытить свой анализ «авторским голосом». Текст содержит обильные цитирования самих источников, не говоря уже о справочном материале, который будучи опущенным в сноски формирует отдельный массив. Чтобы разобраться со своими «героями», Д.В. Исакову пришлось работать со старонемецким языком, наполненным большим числом диалектических оборотов. Считаю, что в целом с задачей автор справился: большая часть переводов сохраняет авторский стиль и вполне корректна.

Выводы, к которым пришел Д.В. Исаков, лишены крайней степени абсолютизации и скорее ориентируют на дальнейшие размышления, нежели категорически утверждают. Все три источника демонстрируют знакомство с разными географическими ареалами, но в центре внимания у всех — события и судьбы локального уровня, «малой Родины», причем «идея патриотизма» в

координатах XIX в. представлена дробно, мозаично и не формирует определенной доминирующей линии. Перед нами: люди, принадлежащие к общественной верхушке, духовному сословию, волею судьбы прижатые к конкретном месту службы. Сама она становится главным средством выживания. Д.В. Исаков особо отмечает служебную идентичность прежде всего на примере Фризенэггера, прозябавшего в почти разоренном монастыре Андекс, и Бильфингера, голодавшего вместе со шведским гарнизоном в крепости Верхний Асберг. Служба в условиях обрушения всех прочих социальных ценностей, оставалась главным условием не только социальной значимости, но и важным средством физического спасения. Длительная война с переменным счастьем и все более растущими лишениями, оставляла не так много альтернатив служебной идентичности. Д.В. Исаков особенно в этом контексте останавливается на дневнике Фризенэггера: его записи, казалось бы, позволяют выделить явно выраженный элемент «патриотических» рассуждений. Чаше своих протестантских коллег по духовной работе почтенный аббат поминает свою родину и изливает переживания за ее судьбу. Но здесь же встречается и весьма критический взгляд на действия соотечественников и единомышленников, причинявших страдания его монастырю. Локальный патриотизм критично соотносился со служебными функциями.

Разумеется, работа могла бы выглядеть и лучше в части общей историографии и обзора отдельных трудов. Но подобного рода опущения, равно как и отдельные шероховатости в тексте, стали жертвой скорее объемной работы с источниками: материал, хотя и был знаком автору, но требовал весьма тщательного анализа. Считаю, представленный труд вполне заслуживает высокой оценки.

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ
(А.Ю. Прокопьев)

